

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ КЛАССОВОГО СОСТАВА СТУДЕНЧЕСТВА ВУЗОВ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х годов

THE POLICY OF THE SOVIET AUTHORITIES REGARDING THE CLASS COMPOSITION OF STUDENTS IN BELARUSIAN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE BEGINNING OF THE 1920s

М. Н. Соколов

кандидат исторических наук, доцент

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Минск, Республика Беларусь

M. Sokolov

PhD in History, Associate Professor

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tanak
Minsk, Republic of Belarus

В статье на основе архивного материала рассматривается классовый подход в политике Советского государства при приёме студентов в вузы Беларуси в первой половине 1920-х годов. Анализируются различные методы и попытки влияния властей на социальный и классовый состав обучающихся, итоги первых 5-и лет проводившейся политики в сфере высшего образования.

The article outlines the class approach to admitting students to higher educational institutions in the policy of the Soviet country in the first half of the 1920s. The presented facts are based on archival materials. The author of the article analyzes different methods and attempts of the authorities to influence the social and class composition and summing up the totals of the first 5 years of the ongoing policy in the sphere of higher education.

Ключевые слова: высшие учебные заведения; классовый состав; студенчество Беларуси; 1920-е годы; классовый подход.

Keywords: higher educational institutions; class composition; Belarusian students; 1920s; class approach.

1920-е годы стали для Беларуси временем создания своей системы высшего образования. Благоприятные условия для этого сложились только к 1920 году, когда закончились иностранные интервенции и военные действия на территории республики. Тем более, декларируемое новой властью право каждой нации на равенство в образовании, подталкивало руководство молодой республики к созданию своих высших учебных заведений. К этому времени в Минске и Москве уже существовали созданные комиссии при Народном комиссариате просвещения, занимавшиеся подготовкой к открытию Белорусского государственного университета. Именно с открытием БГУ многие исследователи связывают появление высшего образования на территории нашей страны.

Следует понимать, что классовый подход, широко применявшийся новой властью практически во всех сферах жизни общества, не мог не коснуться и высшего образования. Он был четко сформулирован уже в 1918 г., когда 2 августа было принято постановление СНК РСФСР «О правилах приёма в высшие учебные заведения РСФСР» [1, с. 403]. В данном постанов-

лении Народному комиссариату просвещения поручалось подготовить постановление и принять конкретные меры для отмены классовых привилегий, обеспечить необходимое количество мест для желающих поступить в вузы. С другой стороны, пролетариату и беднейшему крестьянству отдавался приоритет при зачислении в вузы, только им выдавались и стипендии.

Одновременно за период 1918–1919 годов была создана система рабочих факультетов, которые, по словам А.В.Луначарского должны были стать «лестницей», которая помогла бы простому рабочему «влезть» в систему высшего образования [2, с. 268]. На такую в сегодняшнем понимании довузовскую подготовку и помощь со стороны государства, естественно, могли рассчитывать лишь «пролетарские слои».

В марте 1921 г. начинает действовать Временное правление БГУ, а уже через месяц принимается решение ЦИК БССР об открытии Белгосуниверситета. Летом этого же года утверждается постоянно действующее Правление в составе 5 человек, ректором назначается В.Пичета. С первых же дней Правление

начинает разрабатывать правила приёма на факультет общественных наук и медицинский, руководствуясь как «Положением о высших учебных заведениях» РСФСР, так и общими направлениями деятельности Советской власти.

Так появились «Правила приёма» на факультеты. Главное место в них заняли условия зачисления в число студентов, достаточно отчётливо отражавшие классовый принцип. На факультет общественных наук в первую очередь принимались те, кто имел направления от Наркоматов, ЦИК БССР, профсоюзов, местных Советов, губернских отделов профсоюзов и совработников. Право выдачи таких направлений имели также КП(б)Б и КСМ Беларуси. [3, с. 12]. При наличии свободных мест, могли подавать заявления о зачислении и иные лица, но и тут предпочтение отдавалось тем, у кого были рекомендации партийных органов. Как видно, при зачислении в студенты БГУ уже с первого года его деятельности, действовал не только классовый принцип, но и принцип партийности.

Данными правилами приёма в БГУ и руководствовались во время приёмной кампании на 1921–1922 учебный год. Сложно сказать, насколько результаты приёма оказались теми, которые ожидало увидеть руководство республики и Наркомпроса. Из 1390 человек, принятых на факультеты общественных наук, медицинский и рабфак, анкеты заполнили 1366 человек. Исходя из этих данных видно, что крестьян поступило 409 человек (30,6%), рабочих 152 человека (11%), служащих 524 человека (39%) [4, с. 205]. Как видим, рабочие не составили какого-либо значительного процента среди поступивших. К этому есть логичное объяснение. Во-первых, пролетариат как класс, в Беларуси был относительно малочислен. Во-вторых, большая часть рабочих не имела необходимого для поступления образования, а рабочие факультеты, призванные восполнить недостающую ступень, еще только начинали свою деятельность. Более того, далеко не каждый рабочий мог себе позволить отказаться от работы и учиться, а совмещать полноценно работу и учёбу в дневном отделении, как и сегодня, навряд ли бы получилось.

Следующий 1922–1923 учебный год не принёс каких-либо существенных изменений в расстановке сил. Несмотря на то, что по направлениям партийных и профсоюзных организаций было принято почти 500 человек, из 1480 зачисленных рабочие составили только 19 человек, крестьяне – 650 человек. То есть снова перевес оказался за иными категориями «непролетарского происхождения» [3, л. 47].

Руководство республики, наблюдая уже второй год отсутствие положительных тенденций в деле «пролетаризации» вузов, было вынуждено это отметить и предпринять меры. Результатом стала «пере-

регистрация» студентов, проведенная в конце лета-начале осени 1922 года, согласно директивы Президиума ЦК КП(б)Б. В итоге из БГУ под разными причинами было отчислено 68 человек, из Политехнического института – 104, из Горецкого сельскохозяйственного института – 40 человек [5, с. 90]. Фактически это можно считать первой классовой «чисткой» студенческого состава вузов.

Переход к новой экономической политике в стране не мог не отразиться и на реалиях вузов. Фактически, руководством республики был предпринят чрезвычайный и крайне неожиданный для студентов шаг прямо посреди учебного года. Гром для студентов грянул, когда в конце ноября 1922 года, Управление вузами при Народном комиссариате просвещения ввело плату за обучение. Фактически, уже поступивших и начавших учёбу на общих основаниях абитуриентов, поставили перед фактом новой реальности. Но и даже при такой чрезвычайной мере, руководство республики постаралось сохранить классовый подход и продолжить начатое [3, с. 158].

Дело в том, что при введении платы за обучение, государство постаралось сохранить льготы и привилегии «пролетарских» слоёв, вводя определённые градации по оплате и разделяя их на категории живущих на «трудовые» или «нетрудовые доходы», освобождённых от платы и члены партии и комсомола. В законченном виде «Проект обложения студентов БГУ» появился только в декабре 1923 года в виде распоряжения наркома просвещения А. Балицкого за № 195. Согласно ему, вводились градации по оплате на платных и бесплатных местах в зависимости от доходов семьи и родителей студента, появились категории, пользовавшиеся особыми льготами (члены профсоюзов, партии, дети членов профсоюзов и работников системы образования и др.). Сама по себе система подсчёта сумм к уплате, оснований для льгот или освобождения от уплаты оказалась довольно сложной, что потребовало создания специальных Комиссий как при Правлениях вузов, так и на факультетах [6, л. 278].

Продолжением курса на «пролетаризацию» вузов стал наиболее показательный шаг советского руководства республики, показавший решимость не сворачивать с взятого курса. «Инструкция о проведении качественной проверки студентов вузов БССР» СНК БССР, появившаяся в июне 1924 г. стала руководством к действию для Наркомпроса республики [7, с. 99; 8, л. 214].

Для проведения проверок и сокращения численности студентов и была создана специальная Центральная комиссия, куда входили представители партии и профсоюзов, представители Бюро пролетариата. В каждом вузе создавались местные Комиссии,

а также комиссии на факультетах с участием деканов, преподавателей, студенческого актива. Данной проверке подлежали все, без исключения студенты. Что примечательно, при рассмотрении дела каждого студента учитывалась не только его успеваемость и мотивированность, но и причины поступления, личные качества, мнение о нём его товарищей и, конечно же, классовая принадлежность.

Казалось бы, ничего примечательного. Речь шла об оптимизации вузов, о некотором сокращении чрезмерного числа студентов. Но это оказалось далеко не так. При проведении данных проверок вузов, за основу был взят классовый принцип. И если студентов из числа рабочих и крестьян практически не отчисляли (за исключением совсем безнадежно отставших в учёбе), а члены студорганizations вообще не исключались, то ко всем остальным принцип «классового подхода» был применён со всей строгостью. [9, л. 213–214].

Названная чистка существенным образом повлияла не только на общее количество студентов вузов, но и на соотношение социальных групп. Так, в Витебском высшем педагогическом институте из 328 проверенных студентов было исключено 110; в Белорусском сельскохозяйственном институте из 519 человек исключено 158, условно оставлено – 123, оставлено – 213; в Горецком сельскохозяйственном институте проверено 834 и исключено 223 человека. В БГУ чистка по факультетам дала следующие результаты: медфак – проверено 752 человека, исключено – 177, условно оставлено – 93; педфак – проверено 919, исключено – 190, условно оставлено – 130; факультет общественных наук – проверено 1030 человек, исключено 496, оставлено условно – 26 [10, л. 45–46].

В своём «Отчёте по проверке студентов Высших учебных заведений БССР» председатель Центральной проверочной комиссии Е. Мисейский отмечал, что «...значительно увеличился относительный процент рабочих и крестьян и сильно уменьшился процент прочих...». По его же данным окончательно исключённые Центральной комиссией после рассмотрения апелляции, распределялись следующим образом: рабочих – 10 человек, крестьян – 75, служащих – 125, прочих – 489, всего – 699. Из них только 240 человек были исключены за академическое отставание, все же остальные – «в целях пролетаризации вузов и за политическую безграмотность». Характерно, что большая часть профессуры, понимая классовую сущность чистки, не согласная с практиковавшимися методами, по отзывам Центральной проверочной комиссии, «...ни активно, ни пассивно не помогала работе комиссий, очень часто её тормозила. ... Профессора – члены проверочных комиссий в конце концов уходили из Комиссий» [10, л. 46, 109–119].

Последующие годы стали периодом поиска новых форм регулирования социального состава поступающих. Помимо командировок для поступления в вузы, которые выдавались по разверстке Наркомпроса партийными, профессиональными и советскими организациями, и уже являлись первым этапом отбора поступающих по социальному признаку, сохранялась также плата за обучение по градам в зависимости от материального положения. Кроме этого, после сдачи вступительных экзаменов приёмным комиссиям вузов предписывалось при зачислении обязательно руководствоваться классовым принципом [11, л. 56–57].

Следует отметить, что в середине 20-х годов была предпринята смелая попытка реалистически оценить итоги и последствия проводившейся политики в отношении студенчества вузов. В декабре 1925 года бюро ЦК КП(б)Б заслушало доклад об итогах приема в вузы и рабфаки БССР. Было отмечено, что вступительные испытания вызвали очень слабую подготовку поступивших по общеобразовательным дисциплинам. Были отмечены недостатки существовавшей системы командирования для поступления в вузы по различным различным органам, что создавало основу для протекционизма и злоупотреблений [12, л. 207–220].

Руководящие органы системы образования и сами высшие учебные заведения стремились выявить причины неудовлетворительного состояния с академической успеваемостью. Так, руководство БГУ, подводя итоги пятилетнего (1921–1926 гг.) существования университета, отмечало, что подготовка поступивших в него была «очень пёстрой». При этом признавалось, что студенты первых лет были подготовлены лучше, что объяснялось тем, что в состав студентов вошли лица, окончившие старые (дореволюционные) школы, которые не были доступны для крестьянства. Открыто говорилось, что когда правительство БССР взяло курс на пролетаризацию университета, то в состав студентов «...вошли лица, малоподготовленные и малоразвитые, что, безусловно, должно было оказать свое влияние на занятия и качество студентов». Это в свою очередь приводило к снижению уровня подготовки специалистов. «Неподготовленность студентов в той или иной мере, – говорилось в отчете БГУ, – должно было оказать влияние как на содержание программ... так и на методы преподавания, а также на снижение требований, которые необходимо было предъявить студентам университета» [13, л. 175–180].

Попытка преодолеть выявившееся противоречие между проводившейся политической линией в комплектовании студенчества и содержанием работы высшей школы была сделана руководящими партийными и государственными органами республики в первой половине 1926 года. Весной этого года готовился Пленум ЦК КП(б)Б по вопросам работы среди интелли-

енции. В подготовленных тезисах выступления Наркома просвещения А.Балицкого было высказано смелое и довольно неожиданное предложение: отменить существовавшую систему разверстки при приеме в ВУЗы «как систему, которая не обеспечивала качественного отбора командированных, не давала возможности выявлять способности тех, которые по тем или иным причинам не могли попасть в число командированных; вместо разверстки установить свободный доступ с тем, чтобы социальный отбор делался из числа кандидатов, выдержавших необходимые при поступлении зачеты» [14, л. 7]. Фактически это было признанием, что проводившаяся в предыдущие годы политика социального отбора в число студентов в том виде, каком она осуществлялась, не оправдала себя.

Эти тезисы А.Балицкого были одобрены на заседании бюро ЦК КП(б)Б 26.04.1926 года и положены в основу решения Объединенного Пленума ЦК и ЦКК КП(б)Б «Об очередных задачах культурного строительства в БССР», состоявшегося 22–27 июля 1926 года. «Пленум считает правильной отмену системы разверстки в вузы..., – говорилось в его решении, – Одновременно с отменой разверстки необходимо и в дальнейшем производить специальный отбор из числа кандидатов, выдержавших необходимые при поступлении в вузы зачеты».

Названный «специальный отбор» выражался в том, что из числа выдержавших вступительные испытания по правилам приема в 1926–1927 учебном году местные приемные комиссии должны были проводить зачисление в состав студентов в следующем порядке: 1 – рабочие, 2 – члены КПБ и КСМ, 3 – крестьяне от сохи, 4 – дети рабочих, 5 – дети крестьян и дети сельских учителей, 6 – дети трудовой интеллигенции, 7 – служащие и их дети и т.д. [14, л. 7].

Таким образом, следует признать, что в этих решениях была сделана попытка отойти от некоторых крайностей в существовавшей ранее системе комплектования студенчества, когда вузам фактически навязывались кандидаты в студенты, определенные партийными, советскими, профсоюзными и иными органами. Отмена разверстки означала повышение роли проверки знаний, попытку вузов избавиться от диктата извне при приеме абитуриентов. Вместе с тем нет оснований рассматривать данные меры как изменение сущности проводившейся государством политики при формировании состава студенчества, и уж тем более как отказ от принципа классового отбора. Верность этому принципу постоянно подчеркивали как партийные органы, так и органы руководства образованием. Насколько совместимы оказались эти подходы, показала практика уже следующих лет.

Новый прием в 1926–1927 учебном году, по мнению руководства Белгосуниверситета, оказался более

подготовленным, хотя и имелись большие трудности со знаниями абитуриентов по белорусскому и русскому языкам [13, л. 175–180].

Более сдержанная оценка была высказана в резолюции Вузовского совещания в ЦК КП(б)Б 30 марта 1927 года, где говорилось, что «проведение в прошлом году принципа свободного приема показало лучшую подготовленность более сильных с материальной стороны групп населения и некоторую опасность попадания в ВУЗы социально нежелательного элемента». Совещание высказалось за то, чтобы, не снижая внимания к повышению академической подготовки поступающих в вузы, «обязательно твердо держать курс на улучшение социального состава студенчества» [15, л. 350]. Для этого была намечена широкая программа организации краткосрочных курсов, вечерних школ, подготовительных классов, школ взрослых и других форм подготовки молодежи из рабочих и крестьян для поступления в вузы. Вместе с тем было решено провести определенную децентрализацию этой работы – ликвидировать Центральную приемную комиссию при Наркомпросе и возложить всю работу по комплектованию студенчества на приемные комиссии самих высших учебных заведений.

Определенное улучшение экономического положения Советского государства позволило в дальнейшем отказаться и от платы за обучение в вузах. Так, на заседании Комиссии, созданной СНК БССР по вопросу об установлении платы за обучение в вузах и техникумах, которое проходило 2 июня 1926 года, было решено считать целесообразным на следующий учебный год отказаться от платы [16, л. 26].

Одновременно с этим, летом 1926 года по постановлению Народного комиссариата просвещения БССР были уравнены в правах с детьми рабочих дети специалистов при поступлении в вузы и техникумы. Это было продиктовано общей политикой государства на улучшение условий работы и привлечение на сторону Советской власти так называемых «красных специалистов». С другой стороны, условия Беларуси, где рабочий класс был численно невелик, а крестьянство, хоть и составлявшее большую часть населения, по своему образовательному уровню далеко не всегда соответствовало условиям поступления в вузы, специалисты и дети специалистов оставались той социальной группой, которая, не нарушая классового принципа, позволила бы произвести достаточный набор.

В сложившихся условиях в проведении классовой политики в высшей школе возрастало значение такого инструмента комплектования студенчества, как приём документов и допуск к вступительным испытаниям.

Характерно, что количество отказов в поступлении по социально-классовому признаку за эти годы в процентном отношении постоянно возрастали.

В Белгосуниверситете в 1924–1925 учебном году из 257 отказов в допуске к экзаменам данную мотивировку имели 49 (19,1 %), в 1925–1926 учебном году из 420 отказов в приёме в 53 случаях присутствовала формулировка “по классовому признаку” и в 57 – “за отсутствием мест” (всего 26 %). В 1926–1927 учебном году по этим причинам было отказано в зачислении 49 абитуриентам из общего числа 177 отказов (28,8 %) [17].

Зачисление в состав студентов преимущественно по классовому признаку и нарушение первенства обра-

зовательной подготовки при поступлении в учебные заведения приводило к снижению академической успеваемости студентов. Попытка преодолеть это противоречие, предпринятая в 1926–1927 гг., была пресечена руководящими партийными органами, поскольку ставила под сомнение правильность самой проводимой политики. В наиболее законном виде советская система формирования студента получила оформление в виде введения кураторской системы зачисления в вузы в дальнейшем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Народное образование в СССР: 1917–1967; под ред. М. А. Прокофьева (гл. ред.) [и др.]. – М.: Просвещение, 1967. – 545 с.
2. Луначарский, А. В. О народном образовании. / Луначарский А. В. – М.: Изд-во академии педагогических наук РСФСР, 1958. – 558 с.
3. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 213.
4. Турук, Ф. Ф. Университетская летопись / Труды Белорусского государственного университета в Минске. Кн. 1. Ф. Ф. Турук. – Минск: Госиздат Белоруссии, 1922. – 218 с.
5. Красовский, Н. И. Высшая школа Советской Белоруссии / Н. И. Красовский. – Минск: Высшая школа, 1972. – 330 с.
6. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 210.
7. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Белорусской ССР. – Минск: Отдел Законодательства НКЮБ, 1924. – № 8. – 19 с.
8. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 239.
9. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 211.
10. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 1229.
11. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Л. 1231.
12. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 3. Д. 4.
13. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 3. Д. 11.
14. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 1566.
15. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 7. Д. 48.
16. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 1255.
17. НАРБ. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 261

Дата подачи статьи: 1.10.2018